

3 ВУК ПРОПАЛ неожиданно. Я повертел ручку телевизора туда-сюда, постучал по ящику: сначала тихо, потом сильнее, потом совсем сильно — никакого эффекта. Досадно... Как раз передавали сборную программу, выступления советских и зарубежных эстрадных певцов. А впрочем, много ли я потерял? Репертуар был знакомым, а вокальные данные некоторых исполнителей, к сожалению, таковы, что зрители с пропажей звука... не слишком проигрывали. Решил посмотреть, последить хоть за манерой держаться на сцене.

И вот по экрану не по годам живо запрыгала, заскакала дородная певица, исполняющая детскую песенку, ее полные руны описали несколько движений, достойных пловца. «Это значит, я играю на гармошке», — догадался я. Теперь рука исполнительницы, крепко зажавшая микрофон, совершала колебательные движения в вертикальной плоскости: поднесет микрофон ко рту — опустит вниз, потом опять ко рту — потом вниз. Тут я снова сообразил: «Это она ест пятачок эскимо, подаренный волшебником». А песня продолжалась. Надув губы, изображая на лице обиженное недоумение, артистка допела ее, селу на то, что «день рождения только раз в году».

Поначалу это было забавно. Дальше начались сложности. Мимика исполнителей, их пластика настолько зашифровывали песню, не соответствуя ни теме, ни содержанию, что понять было ничего нельзя. Но вот на сцену вышла болгарская певица Лили Иванова, артистка, обладающая безукоризненным вкусом во всем, что касается эстрады. Выбирает ли она репертуар или инструментацию, платит ли манеру исполнения, — кажется, что песня и певица рождаются друг для друга. И свершилось чудо. Телевизор словно ожил. Лили взмахнула рукой, прошла по сцене, и каждое ее движение, каждый жест так точно передавали ритм песни, соответствовали ее образному и музыкальному строю, что мы... услышали песню. Услышали! Она звучала, рождала эмоции, заставляла переживать...

И с грустью вновь подумалось мне тогда, что непостижительно мало у нас сегодня исполнителей, достойных славы Л. Утесова, М. Бернеса, К. Шульженко, Л. Руслановой — настоящих полпредов советской песни. И в жизни, и в искусстве они запомнились мне как очень разные люди, но у каждого из них я ценил и цену то, без чего не стоит, по-моему, вообще выходить на сцену, — индивидуальность художника. Недаром говорили: «Утесовская песня», «Бернесовская песня»... О современных эстрадных песнях такое редко услышишь. В чем здесь дело? Почему так похожи друг на друга сегодняшние артисты эстрады? Отчего песни в их исполнении так часто сливаются в нечто безликое?

Есть некая двусмысленность в самом понятии «исполнитель эстрадной песни». Будто это человек, лишь «исполняющий» замысел композитора и поэта, а вовсе не их соавтор, не равноправный художник, не творец. К сожалению, часто так оно и есть. Редко, очень редко можно встретить среди артистов-песенников людей по-настоящему творческих, ищущих в песне возможность выразить себя, свое отношение к миру. Часто это только кописты, исправно следующие партитуре.

Всегда были исполнители — и Исполнители. Люди, у которых жажда общения с аудиторией была столь велика, что их не могло остановить... даже отсутствие «классических» вокальных данных. Марк Бернес и Леонид Утесов с лихвой компенсировали эти данные своей удивительной музыкальностью, неповторимым пластическим рисунком поведения на сцене, обаянием, умением нахо-

дить в каждой песне емкие образы. Ни Бернеса, ни Утесова нельзя назвать певцами в обычном смысле слова. Они не пели — они исполняли песню. Это было профессиональное музицирование, помноженное на мастерство драматических актеров. С их именами связано зарождение советской песенной эстрады — со своим лицом, своими темами.

Эта эстрада создавалась не на голом месте. В «утесовских песнях» мы узнавали порой то лучшее, что было найдено в свое время старыми куплетистами, вспоминали, как мастерски исполнял Борис Борисов свои песенки на стихи Беранже. А в задушевных, каких-то по-особенному теплых, человеческих песнях Марка Бернеса слышался лиризм старинных русских романсов.

лось бы, безнадежно плохие песни «вытягивались» хорошим певцом, но еще больше случаев, когда хорошие песни гибнут из-за плохих исполнителей. Среди композиторов моего поколения есть один, в свое время очень плодотворный, умевший в собственном исполнении так подать свою песню, что она казалась чуть ли не шедевром. Правда, потом исполнители средней руки невольно разоблачали автора... А вот пример противоположный. Скромно и незаметно для многих прозвучала в документальной ленте одна из песен В. Соловьева-Седого. И вот спустя несколько лет ее исполнил Владимир Трошин. Дальнейшая судьба песни всем известна: «Подмосковные вечера» обошли весь земной шар.

Несколько десятилетий назад, в эпоху возникновения массовой песни, у некоторых композиторов выработалась стереотипная схема — 8-тактовое построение с определенным чередованием гармоний. Разница была только в вариациях мелодии. Но благодаря мастерству исполнителей, их яркой индивидуальности каждое такое произведение воспринималось как нечто новое. Теперь, на первый взгляд, история повторяется. В огромном количестве появляются песни, написанные в

лось только молодых, неопытных артистов... Но вот недавно известная эстрадная певица на творческом вечере одного композитора исполнила несколько его песен, абсолютно ей противопоказанных! Она сделала это из самых благих побуждений, отдавая дань таланту автора, но это лишь подчеркнуло границы ее возможностей.

Убежденность в том, что «я могу спеть все, потому что я вообще талантлива», идет, мне кажется, не столько от уверенности в своих силах, сколько от отсутствия требовательности. Я вспоминаю, как долго, тщательно работал над песней Марк Бернес, как волновал его миг первого выхода с новой песней на сцену. Каждый раз он преодолевал некий психологический барьер. Теперь все делается просто, на ходу. Достаточно профессиональные исполнители приходят на запись в радиостудию, даже не зная, что

и ударные... Но ребята так исполняли народные песни, что электрогитара казалась уже чуть ли не национальным народным инструментом. А широко известные «Песняры» и «Лайне»? А ансамбль «Ариэль» из Челябинска? Этот коллектив пока мало знаком широкому зрителю, а жаль. Достаточно, мне кажется, прослушать только две вокально-инструментальные пьесы в его исполнении — «Лебедушку» и «Отдавали молодую», чтобы стать горячим почитателем ансамбля. В обработке русских народных песен, сделанных руководителем «Ариэля» В. Ярушиным, бережно сохранены своеобразие и очарование народных мелодий. В современном звучании оркестрового сопровождения мы с радостным удивлением слышим характерные тембры русских инструментальных наигрышей, ладовые гармонии. «По-балалаичьи» запели вдруг те же самые электрогитары и органы...

Впрочем, все это трудно передать на бумаге, надо слышать. Но как? Фирма «Мелодия» не воспроизводит на пластинках обработки русских песен вокально-инструментальными эстрадными ансамблями. Стоит ли удивляться после этого, если слушатели и исполнители считают естественным пение с иностранным акцентом под электрогитару! Вряд ли они слышали что-то иное!..

И все-таки далеко не всегда шаблонную однообразную манеру исполнения у артистов эстрады можно объяснить какими-то «внешними» причинами. Чаще всего причина одна, простая, как мир, — отсутствие таланта. Не следует думать, что для эстрадной песни годится все, что не пригодно в других искусствах — в опере, оперетте, музыкально-драматическом театре. Нет, талант эстрадного певца — дар особенный и, увы, редкий.

И потом, мне кажется, дело не только в том, чтобы найти талантливого эстрадника, а в том, чтобы его сохранить. С исполнителями ведь, по существу, никто не работает, они предоставлены сами себе. Разумеется, артистам, нашедшим себя, определившим свое творческое кредо, такая помощь, может, и не требуется. А тем, кто делает первые, не очень уверенные шаги на эстраде? Бывает, что «молодая звезда», ярко вспыхнув, тут же исчезает за горизонтом. Помню, как прекрасно начинала Жанна Грошеня, а сейчас она превратилась в рядовую исполнительницу. Полад Бюль-Бюль оглы считался одним из очень способных и образованных молодых композиторов. Мне довелось слышать некоторые из его интересных, серьезных сочинений. Они, и правда, хороши. Но сочиняемые им песни однообразны. А манера держаться на сцене порой вызывает ироническую улыбку.

Нет, нет, что ни говори, умение выступить с эстрадной песней — дар. Напрасно иные исполнители считают, что работа на эстраде совсем не сложна, не требует даже относительной культуры. Что ж, за пренебрежительное отношение иных артистов к эстраде зритель платит очень просто — забвением.

Нелегко написать эстрадную песню. Написать об ее исполнении горькие слова ничуть не легче. И все-таки без этого нельзя. Потому что всех нас волнует завтрашний день советской эстрадной песни,

ТРУДНЫЙ «ЛЕГКИЙ ЖАНР»

Никита
БОГОСЛОВСКИЙ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

Статьей критика Ал. Михайлова «Почему-то грустно кошке...», напечатанной в прошлом номере «ЛГ», редакция начала разговор о песне. Эта статья была посвящена литературной основе песни — стихам.

Сегодня с полемическими замечаниями выступает композитор Н. Богословский. Тема его статьи — исполнительское мастерство наших певцов.

Но не только, в них были еще и новые ритмы, ритмы бурных, наполненных романтикой создания предвоенных лет. С этими исполнителями мы, композиторы, создавали песни, выражавшие свое время. И может быть, в этом главный секрет их популярности в 40-х годах.

А что же сегодня? Первенство среди исполнителей держат И. Кобзон, Г. Ненашева, М. Магомаев, В. Мулержан, то есть артисты с хорошими голосами. Отлично работают на эстраде Вл. Макаров, В. Толкунова, М. Кристалинская, Л. Лещенко, М. Пахоменко. Соперничать с ними трудно, потому что голос, как говорится, — дар божий, а образное искусство исполнения, способное порой заменить этот дар, за последние десятилетия растеряно напрочь. Произошло это, на мой взгляд, потому, что у нас была подлинная эстрада, но не было настоящей эстрадной школы. И у Бернеса, и у Утесова были подражатели, но не было достойных учеников, продолжателей их дела. И те перемены, что принесло в эстраду новое время, заставили наших исполнителей врасплох. Разумеется, я не могу предложить им сегодня копировать манеру блестящих мастеров прошлых лет. Известна аксиома: со временем культурные запросы людей растут. Все более сложные проблемы их занимают. Усложняется искусство, по истине остается и другое: большинство сегодняшних исполнителей эстрадной песни не всегда творчески относятся к своей профессии. Творчество умирает, и рождается ремесленничество. Вред его очевиден. Горевосполнители «поют» ведь не в домашнем кругу, а на людях, и девальвированное искусство формирует среди слушателей, мягко говоря, не совсем правильные представления о творчестве композиторов и поэтов-песенников, портит вкусы молодежи.

Я отнюдь не сгущаю краски. От качества исполнения зависит очень многое. Можно привести немало примеров, когда каза-

одинаковых ритмах, с очень схожими музыкальными фразами, и невзначайному слушателю даже приятно предугадать за несколько секунд будущий оборот — это приносит ему радость узнавания. Но что же потом? Потом трудно вспомнить, что это была за песня, так похожи они друг на друга. И делают их близнецами не только авторы, но и исполнители. Таких песен, честно говоря, мне не жалко. А вот другие...

Сейчас получила распространение очень интересная усложненная форма песни. Ее условно называют «балладой», но это скорее музыкально-драматическая поэма, как правило, с героическим сюжетом. Эмоциональное восприятие таких песен (удачнее других в этом жанре выступают композиторы М. Таривердиев и О. Фельцман) в огромной степени зависит от мастерства исполнителей. И когда за «балладу» берутся М. Магомаев и И. Кобзон, то все получается прекрасно. Обладая большим голосовым диапазоном, эти артисты ведут певцом от еле слышного шепота до резкого, наполненного пафосом «форте». Но ведь процент талантов на эстраде мал, а песни эти считаются современными по манере, выигрышными. И вот безголосые дилетанты своим исполнением, по сути, дискредитируют новый жанр.

Историю о жанрах. Давно кажется естественным, что есть не просто композиторы-эстрадники, а композиторы-лирики, или тяготеющие к героико-патриотической теме, или к драме, или к комедийным песням. Отчего же не понять наконец, что и исполнители должны специализироваться, совершенствоваться в каком-то одном жанре, более всего соответствующем их характеру и темпераменту, любимому сценическому рисунку и образу мысли, даже внешности, то есть всему тому, что и составляет индивидуальность артиста? А может, «всеядность» исполнителей, берущихся за все, что под руку попадет, и получается как раз от отсутствия этой самой индивидуальности, от неумения определиться, понять самое себя? Наверно, потому, что примеры дифференциации жанров лежат рядом. Каждый, кто интересуется зарубежной эстрадой, знает, что есть среди французских певцов многочисленные жанровые подразделения... У нас же, за исключением нескольких ведущих исполнителей, тщательно следящих за формированием своего репертуара, картина прямо противоположная. И если бы дело каса-

именно им предстоит спеть. За полчаса разучивают песню, не вдаваясь в нюансы, не успев даже толком осмыслить ее тему, — и запись готова. Все это сильно напоминает некую песенную индустрию, где исполнитель — просто необходимое условие для записи, так же как микрофон, магнитная лента и динамик...

А истинное творчество, даже в «легком жанре» — в эстраде, — невозможно без труда. Чтобы понять это до конца, нужно видеть, как до изнеможения, до седьмого пота отшлифовывая каждую фразу, даже каждую паузу, работают на репетициях Жильбер Беко или Жак Брель. К сожалению, на эту сторону деятельности зарубежных артистов иные наши исполнители не обращают внимания, зато старательно, вплоть до иностранного акцента, копируют их манеру держаться на сцене.

Этот акцент не просто раздражает своей нелепостью — он пасторализует. Это значит, что песня для такого исполнителя уже потеряла всякую национальную основу. Да, не находя опоры в традициях, растерянные и оглушенные ритмами бит-музыки, исполнители все чаще поглядывают на пластинки корифеев западной эстрады: «Вот бы так!..». Им кажется, что и для них, и для слушателей будет естественнее такая песня, насыщенная заморскими синкопами, и сло-ва-то они произносятся с шепелявинкой, с картавинкой, с неправильными ударениями. Это двойное заблуждение. Во-первых, работать для слушателей — это не значит идти на поводу у средних вкусов. В том-то и должна заключаться задача советской эстрады, чтобы воспитывать вкусы. Во-вторых, нельзя согласиться с тем, что современные музыкальные ритмы — нечто чужеродное для советской музыки. Поддерживают слушателей в этом мнении сами же исполнители.

А вот недавно мне довелось видеть выступление талантливого ансамбля «Самоецветы». Как будто те же электрогитары, и органа,